Экспедиция «РОССИЯНЕ»

Вересовка

МЕСТНОСТЬ, на которой расположился поселок Вересовка, открытая. Со всех сторон видны пятиэтажные каменные дома. Уже по этому одному можно заключить, что это не убогая деревенька, а вполне цивилизованный мир: с заводом, магазинами, библиотекой. А обрамляющие его со всех сторон деревянные дома ничуть не портят современный вид. И каждый день напоминают о том, с чего начинался поселок. Не зря напоминают.

В последнее время поднялся-таки тоненький людской ручеек из города в сельскую местность. Возвращются те, кто еще не забыл запаха свежескошенного сена, вкуса парного молока, тоскующие по земле. Правда, немного таких. Те же, кто не слился с этим ручейком, пишут на поселок письма.

И не удивляйтесь, если иногда на конверте промелькнет: поселок АРЗ. С тех пор, как появился завод, появилось и второе название. Но первое строжилам милее. Говорят, что когда-то на этом месте росло много вереску. Это вечно зеленое растение с розоватыми цветочками. И обозрам его Вересовкой, что означает «долгая жизнь».

Автор выпуска
Е. КРАСУЛИНА

Правда бабы Жени

БАБА ЖЕНЯ МАСЛЯЕВА небольшого роста. Седые волосы в пучок собраны. Лоб открыт, из-за чего глаза видимыми становятся, кажутся ясными. По ней перезимнется медленно, будто боится остаться. Видать, возраст берет свое. Не только возраст. Все, что было в ее прошлом, метнет за вспоминается. Отсюда и холит осторожно.

Прожить такую судьбу никому не пожелала бы. А вот поведать о ней надобно. Потому, как содержит она много пользительного, и для молодых — наука.

В восемь лет осталась девочка Женя в богатых людях прислуживать. Долго в работницах пробыла. За малыми ребятишками смотрела, стирала да мыла, в общем, черновую работу делала.

Семья у отца была большая. Мать, что ни год, рожала. Так шестнадцать этих и набралось. Время голодное было, где ж всех прокормить. Вот с малолетства и привыкала к самостоятельности. Каждый должен был о себе заботиться.

А чуть подросла Евгения, стала за красотой обозриваться — тяжка из работницы. В лес подалась на работу, дрова рубила за кои жила наравне с мужиками. За Иванцом Германа, в Томмине. Так и встретила свою судьбу в 29 году. Была замужа за Василия по фамилии Лесина, специфическим. Только не суждено было долго вместе жить.

— Тогда коллективизация случилась. А мой, как специфический, значит, раскулаченный был. Вот и поперли нас отсюда. Да и голей нашего выселяли. Закон был такой — гнать нас.

Не впервые скитаться. Приехали к Жене на родину — в Вересовку. Устроилась в леспромхоз работать. Опять лес рубила, сплавляла по Шабганке в Чусовую. На завод не пойдешь — неграмотная. Вот и дергала пилой. В то время без работы не оставалась.

— Арестовали моего Василия. 58 статью пришили. Это значит — высшая мера наказания. Мелся в смертной камере сидел. За что? А частушку на вечерних спел:

Кулачок, кулачок,
Рыжая борода,
Хоть и власть перевернул,
А ручонки коротки.

— Это мне следователь передал. Ох ругбивала я потом тогда. Ко всем высшим людям хаживала. Помиловали Василия, на десять лет отправили в Акмолинск Карагандинской области, без права переписки, с конфискацией.

Отобрали тогда у Масляевых все, что было нажито за короткую семейную жизнь: корову, овечек, курей, часы, граммофон. Даже шерсть описали. Все на горе в Усть увели.

Не при чем остались Женя. Белое стало, работники сиротами. Долго лежала она в Вересовке напоминать. За весточку, что от Василия посылал раз в полгода. А потом и вовсе потерялся.

— Тогда жить совсем невмоготу было. В больше не работала, а есть нечего было. Опухала от голоду. Председатель сжалился на Дикое, стала согласилась. В итоге меня и приняли. Начальник бурильщиков работ у нас шибко жалостливый был. Посмотрел, как я изнываюсь, и пристроил в вырученки подальше.

Вышел из Евгении Путиревны вырвиглаз отличный. Скоростная была. Кварцит рвала в забоях. 75 тонн взрывчатки вручную заряжала.

О муже ничего не слышно было. Померла, что в живых нет. Мало ли тогда людей бесследно исчезало! Вышла второй раз замуж, сына родила.

А тут снова непредвиденное: через десять лет появляется Василий жаловаться.

— Я так и обомлела. Маленький ты мой, родненький. Как же так? А потом как отрезала: разошлась со своим мужем и к Василию вернулась. Все одно жизни не было бы. Любила я его.

Только на этом мытарства не закончились. Поехала Женя за мужем на высылку в город Кокчетав. На чужбине, хозяйство нехитрое, все в один узелок и поместилось. Прожила там 4,5 года. Дождь замуж отдала. А как паспорт мужу дали, в Вересовку вернулись.

— К тому времени колхоз, что был в Хомутовке, с Битимкой соединили. Туда и подались. Сколько-то прожили. А в 72 году мой муженек помер. Дети разъехались.

С тех пор живет баба Женя одна. Наедине со своей правдой живет. Хозяйство поддерживалось. Последнюю хозяйку отдала. Ухаживать нет сил.

— Одно радует: восемь внучат у меня за правнуков шесть. Отдельно, правда, живут, но навещают. А я их привечаю, чаем поим, конфетами угощаю. Пенсиньто моя не шибко велика. Говорят, за награду что ли пообещают скоро? Надо полагать. Заря я от жизни терпела?

Голос бабы Жени задрожал. Она вдруг осела на табуретку и тихо заплакала. Крупные слезы скатывались с ее щек прямо на руки. Она их сбрасывала и снова руки подставляла, будто сполна налить хотела.

— Горечко-то, — тело бабы Жени качалось, словно маятник.

Вдруг резко замолкла, вытерла насухо глаза. Лишь прошлые вехи напоминали, что плакала.

— Что это я распустилась? Слуреха старая. Ты не смотри на меня жалостливо. Слышь, не смотри. Не тебе меня жалеть, а мне тебя.

И вдруг я поняла: стыдная она, баба Женя. Хоть и старая, хоть и изработанная, и сильная. Нас, благополучных, лихолетья не знавших, ногтей на работе не дравших, жалеет. И точно привиделось: баба Женя маленькой девочкой, прислужницей с крепкими руками. И глаза все те же, ясные.

Сельский библиотекарь

МЕСТНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ Валентина Павловна Гилева считает, что Вересовка — вовсе не провинция. Во-первых, народу здесь живет немало, во-вторых, дома городские стоят, в-третьих, наконец, потому что люди книги читают. А коли читают, какая же это провинция?

В библиотеке тихо и прохладно. Пахнет книгами. Их здесь немало. Выстроились на полках, как солдатики. У каждой свое место.

— Нравится мне здесь работать, — Валентина Павловна ласково посмотрела на книги. — Вы не подумайте, что скучно. Начуть. Читателей у нас хватает.

Газеты в последнее время вздорожали. Не каждому по карману. Куда же, как не в библиотеку пойти? А о книгах и говорить нечего. При виде цен на них ноги сами сюда несут.

Но надо сразу оговориться: не нужда людей тянет. Просто любит читать. И выбрать есть из чего.

— Я не могу пожаловаться, что нас плохо комплектуют. Все заявки в основном всегда удовлетворяются. Есть поверье: если на селе живем, то нам самое худшее. Ничего подобного.

Не оставляет Валентина Павловна без внимания ни одну просьбу читателей. Если не в состоянии здесь помочь, едет в город и берет книги из своей фондодержателя.

— Есть у меня несколько студентов, учатся в институтах и техникумах. Как могу, стараюсь им помочь. А вообще очень большой пользы приносят книги про любовь и семейство.

Кстати, о любви. Совсем недавно Валентина Павловна вместе с работниками клуба провела вечер семейных пар. Ведь ныне год семьи.

— Мы не ожидали, что так хорошо будет. Молодые сами проявили инициативу. Звучали стихи, песни. Хозяйки приносили любимые блюда своих мужей. Но самое главное — мы все поняли, что время любви не прошло.

И чтобы тоже. Хозяйка библиотеки даже игрушки сюда принесла, чтобы ребятишки отвлекались от родителей, а те, в свою очередь, смогли бы выбрать книги.

Разбудила песня давно позабытое

НЕКОГДА ВЕРЕСОВКА была селом. Небогатым, но гордым, шумным и веселым. Звенела здесь песня разудалыми голосами песельниц. Слава Богу, она не перевелась.

Если здесь и в будни, и в праздники С пением косили, пахали, с пением женились, с пением-провожанием в долгий путь провожали. Однако песня не стала делом будничным. По крайней мере для Анны Ивановны Красовой.

— Я шибко переживательна была. Боялась, что ладом не вытяну песню. Голос вдруг обсекется. Коли бы толстой был, отдохнуть можно где. А у меня шибко тоненький. А теперь отпела уж.

— Почему же?

— Восьмой десяток пошел. Сносила голос. А вот хорнетки наши местные, те да-а-а, хорошо поют.

Анна Ивановна с восхищением отозвалась о местных певцах и указала рукой на клуб.

— Жаль, не вовремя ты пожаловала. По домам сейчас все. А я тебе и без того скажу: нет ни одной деревни, что сравнилась бы с нашими певуньями. И в городе нет ничего похожего. А гармонист-то наш. Ох!

Моя собеседница повела плечом и не выдержала, тихонько запела, почти шепотом.

— Что стонешь, качаясь,
Тонкая рябина...

Вот так, расшевелила собственную душу, разбудила давно позабытое. Что и словами нельзя выразить. Лишь песней.

— А молодежь-то поет?

— Что ты, милая! Им разве наши песни-то понять? Да и не пойдут они. Ходют по поселку, болтаются, курей пугают, дрыгаются и все дела. У них свои теперь песни, опять же нам не понятные. Долбают, долбают в телевизор, как молотком по голове. А то еще видала: у них лысые с волосами. Вот страсти-то! А наша вересовская-то башкирят.

А как наша-то песня заиграет, родная, русская, аж душа на две части распадается.

Анна Ивановна от прилившихся чувств замолкла. Будто вспомнить что пыталась. Потом с сожалением посмотрела на меня.

Судьбы ее кружевное полотно

ЕСЛИ БЫ В ВЕРЕСОВКЕ не нашлось на одной кружевницы-то умницы, я бы удивилась. Не может время зачерствить такой талант. Должен же кто-то глаз людской красотой радовать.

Как выяснилось, есть в поселке такая рукодельница — Валентина Васильевна Дуванцева. Живет одна. А почему же одна? Со своим мужем живет. Комнатка у нее хоть и маленькая, а заходишь в нее, как в сказку. Чего только нет: подмаграсенки кружевные и накидушки для подушек, салфетки и наволочки всевозможные. Словно мороз по комнате прошелся и разносовал все хозяйской рукой.

— Ты смотри, смотри, не стесняйся. Для того я связано, чтоб любоваться. — Валентина Васильевна любовно раскладывала передо мной вещи. — Нравится?

— Очень.

— Дешевью принурилась!

— Погоди, щас еще что-то покажу.

Хозяйка открыла шкаф и достала скатерть. Два конца кинула в мою сторону. Белое полотно распахнулось перед глазами. Причудливый узор взгляд обвороживал.

— У меня ее продать просили. Деньги большие давали. А я не отдала, жалко.

Валентина Васильевна раньше много вязала. С нитками проблем не было: выбирай какие хочешь. И цена доступная была.

— Как денежка появится, сразу бегу в магазин. Особо белые нитки покупала. Из них вещи нежные получаются. Много ж мне заказывали. И сама ездила в Битимку продавала, пока ноги ходили. Жить-то на что-то надо было. На похороны деньги собирала. Не пужайся. Надо так. Не вечны мы.

Хозяйка на минутку задумалась. Потом тряхнула головой, будто мысли сбросила.

— Мне все говорили: не вяжи, ослепнешь. И вяжу, плохо видеть стала. А все одно вязала. Не могла без этого жить. Узоры сама подбирала.

Не помнит Валентина Васильевна, кто вязать научил. Кажется, Бог помог, ремесло в руки вложил. Наверное, с тех пор, как овдовела в 48-м году. Но не по нужде все-таки за дело брялась, а по любви. Вспоминается: пасха наступит, всем праздник, а ей скучно. Не знает, куда руки девать. Работать-то нельзя. А как кончился праздник — сразу за крючок.

Я представила мысленно: а что, если все вещи, связанные добрыми руками Валентины Васильевны, собрать вместе. Пожалуй, целый магазин открыть можно.

— Я только штук триста кофт ажурных связала, — будто прочла мои мысли. — А салфеток и вспомнить не сосчитать.

Работы рукодельницы в поселке знают многие. Не раз они выставлялись на выставках. И награда за них — призы памятные стоят в буфете на видном месте.

Замолкла моя собеседница. Задумалась о чем-то. Гостинка пробежала по ее лицу. Что за печаль? Радоваться надо, что вещи людям нравятся.

— Чему же радоваться? Не вяжу я сейчас, милая. Никто-то все кинулись. А те, что продают, уж шибко дорогие. Не подступишь.

Вдруг сосчитала, порылась в шкафу и достала пушистый подзонтик.

— Вот, только за память. Меня, может быть, и не будет в живых, а вещь останется. Возьми.

— Так ее возьму. А как? — вдруг. Не обижайтесь.

Я достала деньги и протянула Валентине Васильевне. Она растерянно посмотрела на них. И вдруг поначала спешно оделась. Тут только я поняла: есть на нитками в магазин собралась.